

Евгений СТАРШОВ

**СВЯТЫНИ И ДРЕВНОСТИ
ТУРЦИИ**

Евгений Викторович Старшов

Святыни и древности Турции

Серия «Всемирная история (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63615002

Старшов, Е.В. Святыни и древности Турции: Вече; Москва; 2020

Аннотация

Когда речь идет о святых местах за пределами России, в первую очередь вспоминают Палестину, реже – Грецию или Кипр. Но есть бесценные святыни там, где, как многие, к сожалению, полагают, их нет, – в тех же странах ислама, например, многие из которых обустроены на руинах православной Византии. Найти сокровенный жемчуг – вот в чем главная задача. Об этом и пойдет речь в этой книге, а главным объектом исследования станет юг и запад Турции. Древних городов там бесчисленное множество. В них лилась кровь мучеников первых веков христианства, а затем на местах их казней строились церкви, базилики и мавзолеи.

Содержание

Введение	6
Часть 1. Провинция Анталия. (южное побережье Турции)	17
Глава 1. Миры Ликийские: место святительства Николая Чудотворца	17
Глава 2. Пергия: город апостольской проповеди и мученической славы	41
Глава 3. Сида: древний город на крови нимфы и родина друга свт. Иоанна Златоуста	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Евгений Старшов

Святыни и древности Турции

© Старшов Е.В., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Посвящается светлой памяти моей мамы,
Альбины Федоровны Старшовой (1947–2017),
семь раз посетившей эту благословенную
малоазийскую землю. Камни древних развалин
запомнили и ее шаги...*

*Мы были одной душой в двух телах.
Византийский император Алексей Первый Комнин
о своей матери Анне Далассине*

*Также книга посвящается отцу Виктору
Васильевичу Старшову, с которым мы тоже
в удовольствие исходили много турецких путей-
дорог!*

Введение

Вниманию читателей представляется многолетний труд, принадлежность которого к какому-либо одному жанру определить сложно. Это не путевой дневник – такая форма давно устарела и вряд ли может кого-то особенно заинтересовать, кроме разве что самого автора; это не паломнический или туристический путеводитель – для этого он слишком разносторонен и, не побоимся этого определения, солиден. По древнерусской традиции можно было бы назвать его сводом, если б это не выглядело слишком архаично, однако суть произведения это слово отображает хорошо. Это действительно свод знаний, собранных автором о местах, которые ему довелось посетить, и людях, прославивших их; человек, интересующийся античной и средневековой историей, найдет здесь благодатное поле, взрастившее обильную жатву для его любознательности; высококультурный (подчеркиваю это) паломник-христианин обрящет информацию о святынях и святых; не без пользы окажется это сочинение тем, кто интересуется философией, искусством, архитектурой.

Попробуем теперь развернуть заявленную «программу» несколько шире и начнем, пожалуй, с паломничества как с азов постижения исторического наследия Малой Азии – в робкой надежде, что такое начало не отпугнет серьезного охотника за знаниями. Нет, здесь не будет ликующей серой

простоты, характерной для подобного рода литературы, хотя христианская составляющая присутствует.

Когда речь идет о святых местах за пределами России, в первую очередь вспоминают Палестину, реже – Грецию или Кипр. Но есть бесценные святыни там, где, как многие, к сожалению, полагают, их нет, – в тех же странах ислама, например, многие из которых обустроены на руинах православной Византии. Найти сокровенный жемчуг – вот в чем главная задача. Об этом и пойдет речь в этой книге, а главным объектом исследования станет юг и запад Турции. Древних городов там – бесчисленное множество; впрочем, на запад попасть труднее, поскольку намного дороже, а ведь там – все 7 церквей, к которым обращался в Апокалипсисе Иоанн Богослов: в городах Эфесе (который мы посетим вместе с читателем), Пергаме, Фиатире, Филадельфии, Ладодиики, Смирне и Сардах. На юге апостол Павел основал церкви в Пергии, Листре, Иконии, Дервии и Антиохии Писидийской... В Мирах Ликийских просиял на всю Вселенную святитель Николай. Во всех городах лилась кровь мучеников первых веков христианства, а затем на местах их казней строились церкви, базилики и мавзолеи.

А о чем думает среднестатистический обыватель при слове Турция? Об отдыхе, на котором «все включено», то есть алкоголь с утра до ночи, дискотечные песни-пляски и самопроизвольное копчение на жарком солнце; а потом еще говорят: «Да чего там в Турции такого особенного?» К сожалению

нию, именно для русских туристов не организуются большинство экскурсий исторического характера, именно в русских книгах, по сравнению с теми же английскими, опускают большое количество ценной информации: главное – чтоб картинок больше было. Это печальные факты из собственного многократного наблюдения. Есть экскурсии в Миры Ликийские (Демре по-турецки), но св. Николай на каждом углу представлен в ипостаси Деда Мороза, сиречь Санта-Клауса: он носит очки и шубу (это в Турции-то, где голому жарко!). Экскурсия в Иераполис (Памуккале), где был распят апостол Филипп, заключается в купании в бассейне с минеральной водой, про апостола вообще не говорят, и мартириум его не показывают – как, впрочем, и большую часть всего древнего города: выпускают на 10 минут сфотографировать ворота – и домой поехали! Следовательно, выход один: надо знать, куда и зачем ехать. Не лезть в бассейн, а идти в гору, к месту казни апостола; зайти в музей, полный уникальных античных экспонатов и оборудованный в банях, построенных во втором веке равноапостольным Аверкием Иерапольским.

Но есть и другая крайность: иной верующий человек намеренно игнорирует древние развалины. Вот такой, например, есть отзыв: «Проезжали мимо языческого храма, я даже глаза закрыла». В лучшем случае таких людей осаждает только пожалеть, в худшем – опасаться фанатизма, приведшего в IV–V веках к истреблению Александрийской библиотеки и множества античных памятников. Вспомнив слова апосто-

ла Павла о том, что идол есть ничто, скажу такое им увещание: нельзя игнорировать древние храмы – не идолопоклонствовать же мы туда ходим. В этих храмах совершили свой исповедный подвиг мученики, когда их приводили туда. После принятия Римской империей христианства в этих же храмах делали церкви – и по недостатку церквей, и в память мучеников – примеров много: храм Артемиды в Мирах Ликийских был перестроен св. Николаем в церковь, храмы Артемиды и Аполлона в Пергии (по-турецки Перге или Аксу) освятили в честь Божией Матери и Господа Иисуса Христа; храм Афины в Сиде, где не отрекся от веры мученик священник Александр в III веке, позднее был буквально накрыт огромной христианской базиликой; языческий храм в Анталии тоже был перестроен в базилику – чтобы через несколько веков стать мечетью. Также не стоит обходить вниманием римские театры, на аренах которых казнили мучеников, травили их зверями; там каждая песчинка пропитана кровью святых. На юге Турции – это театры в Мирах, Иераполисе, Пергии, Сиде. Из них тоже в IV веке делали церкви – это точно установлено, в частности, про театры в Сиде и Иераполисе. Среди руин стоят древние фонтаны, торговые лавки, бани, больницы: древние христиане были такими же людьми и всем этим пользовались. Апостолы Христовы буквально исходили эти земли вдоль и поперек; епископы малоазийских городов принимали участие во Вселенских соборах, определивших наше православное вероучение. Я не

говоря уже подробно (чтобы это введение не превратилось в трактат) об общечеловеческих культурно-исторических аспектах посещения и исследования древних городов, в которых жили и творили великие философы, поэты, писатели, скульпторы, создавая основу нашей культуры; запад и юг Турции прошел со своей армией Александр Македонский во время своего памфилийского похода и принимал в Фаселисе послов освобождающихся от персидского ига малоазийских греческих городов; здесь Юлий Цезарь и Помпей Великий громили киликийских пиратов, а афинский стратег Кимон, отдавший жизнь за свободу Кипра, – персов; Антоний принимал приплывшую к нему Клеопатру. Западное побережье Турции – античная Иония – фактически родина и корень современной европейской науки и литературы, ибо ее уроженцами были Гомер – «отец эпической поэзии», Фалес – «отец философии» и (в соседней с Ионией Карию) Геродот – «отец истории». Да и сама Турция – это живая история, так же как и центральный музей всего турецкого юга – анталийский, в котором, в числе многих прочих удивительных и уникальных экспонатов, хранятся византийские и греческие иконы, каменные резные изображения Богоматери с архангелами, архангела Гавриила, орнаментов с крестами, серебро Мирликийской церкви, но главное – там есть ларец с частью мощей св. Николая, потерянных итальянцами при похищении мощей из Мир; есть мнение о соответствии этих нескольких фрагментов костей и нижней челюсти мощам в Бари. Со-

гласитесь, что попасть в Бари весьма непросто из-за многочисленных «евросоюзных» препон и требований, а попасть в анталийский музей недорого и просто – было бы желание и карта в руке. Турецкая маршрутка-«долмуш» довезет отовсюду, из любого города, а на месте и сами турки подскажут с удовольствием – и вот мы уже у св. Николая, причем, можно сказать, на его же родине. К его св. мощам можно приложиться, их можно сфотографировать. И автор будет считать свою миссию выполненной, если действительно откроет читателям «другую Турцию».

Теперь автор хочет обратиться к потенциальной читательской аудитории как среди верующих христиан, так и светских любителей Античности. Тешу себя надеждой, что данный труд окажется полезен и приятен всем; впрочем, и на всех вместе тоже не угодишь. Ибо главное – не следует противопоставлять «Афины и Иерусалим», сиречь науку и религию, как это сделал христианский богослов Тертуллиан (II–III вв.), впавший в конце жизни в ересь и умерший в разрыве с Церковью. Заведомо лишаящий себя первого или второго только обедняет свою духовную жизнь. Христианство и Античность неразделимы, являя знаменитую борьбу и единство противоположностей: были гонения язычников на христиан, было уничтожение победившей молодой религией античного «языческого» наследия (см. 69-е правило (по другой нумерации – 58-е) Карфагенского собора 419 г.: «Подобает просити благочестивейших царей, да повелят совсем

искоренити останки идолов по всей Африке (ибо во многих местах приморских, и в разных владениях, еще сохраняет несправедливо силу сие заблуждение). Да будет заповедано и идолов истребити, и капища их в селах и в сокровенных местах, без всякия благовидности стоящие, всяким образом разрушати»). Но были знаменитые античные философы, в один голос говорившие и учившие о Едином Боге и направлявшие на путь нравственности и совершенства, – их по праву называют христианами до Христа: таково мнение о Сократе свв. Василия Великого, Юстина Философа, Климента Александрийского и Блаженного Августина, так же называли Гераклита Эфесского, а изображения Платона («аттического Моисея», по словам Нумения Апамейского) и Аристотеля с нимбами широко встречаются не только в храмах Греции, но и, к примеру, в кремлевских Благовещенском и Успенском соборах, галерее московского Новоспасского монастыря, храмах Великого Устюга, Костромы и т. д. Святой Василий Великий (ок. 330–379 гг.) записал целую беседу для юношества о пользе языческих книг, а блаженный Иероним Стридонский (342 – ок. 420 гг.), переводчик Библии на латынь, так писал римскому оратору Магну: «Что же удивительного, если и я за прелесть выражения и красоту членов хочу сделать светскую мудрость из рабыни и пленницы израильянок, отсекаю или отрезаю все мертвое у ней – идолоклонство, сластолюбие, заблуждение, разврат – и, соединившись с ее чистейшим телом, рождаю от нее детей Гос-

поду Саваофу?» Практически вся древнегреческая литература дошла до нас в поздних списках, старательно выполненных в христианской Византии: недаром маленькие византийцы учились читать и по Псалтири, и по «Илиаде». Немного личных воспоминаний: я открыл для себя греческий мир в 6 лет, моя первая прочитанная книга была «Легенды и мифы Древней Греции», к тому же был очарован греческими руинами Херсонеса (до школы дважды побывал в Севастополе). Кто бы мог сказать тогда, во что это выльется... Еще при советской власти, школьником, в газете «Юный ленинец» (украинский аналог «Пионерской правды», но намного интереснее) я прочел статью о приазовском учителе-греке Григории Ивановиче Меотисе-Данченко, списался с ним, он учил меня по письмам началам новогреческого, высылал учебники, но с развалом Союза переписка пропала. Потом, можно сказать, не так давно, когда появилась возможность побывать в Греции, Турции и на Кипре лично, вдохновенный запал любви к Античности вернулся, и с той поры стараюсь нести людям бессмертный свет Эллады вместе с византийским христианством, не отделяя одно от другого: как поступают, по большей части, сами греки, справедливо считающие себя равно наследниками и Платона, и Иоанна Златоуста.

В заключение добавлю, что данная книга состоит как бы из отдельных повествований о том или ином древнем городе и его святынях – именно по этой причине каждое повест-

зование не идет строго по исторической шкале «от» и «до», но последовательность изложения зависит иногда от важности тех или иных событий или связана с каким-либо историко-археологическим объектом; тем не менее это не просто «винегрет» из разрозненных фактов, в чем читатель убедится сам. Это – «приглашение к путешествию» по греко-римской и византийской Турции; все эти стези исхожены автором самолично за 12 поездок в 2003–2018 гг., причем зачастую эти воистину нехоженные тропы уводили весьма далеко от традиционных туристских маршрутов, и книга – результат его собственных наблюдений, дополненных фотографиями (из общего числа которых заимствованы лишь несколько ради большей наглядности) и историческими сведениями как из трудов по археологии и истории, так и из античных первоисточников, а также обширного пласта житий святых (выполненные автором переводы, как правило, особо не оговариваются, это подразумевается, если используется иностранный источник, – см. библиографию; эта книга – не ловля сачком из Интернета всего, что попадет по вбиту запросу, нет: все проработано лично за многие годы и апробировано в виде статей (2003–2019 гг.) и небольших книг (2010–2014 гг.). Много различной информации сохранилось исключительно в памяти благодаря чтению англоязычных пояснительных таблиц при исторических памятниках и лишь теперь воспроизведено в печатном виде. В книге содержится много подлинных исторических свидетельств:

зачастую – либо современников упоминаемых в книге событий, свидетелей ушедших веков и эпох, либо древних историков, живших и творивших гораздо ближе к описываемым ими событиями и, соответственно, намного лучше информированных. Порой довольно обильные цитаты, конечно, несколько затрудняют общее восприятие, однако автор полагает (в отличие от одного цензора Московского епархиального управления, призвавшего автора «не мучить читателя» историческими документами!), что лучше пусть незаинтересовавшийся читатель пропустит или мельком пробежит такую цитату, нежели, наоборот, человек заинтересовавшийся с ней не встретится; кроме того, возможно, ознакомление с фрагментами исторических трудов подвигнет читателя к самостоятельному ознакомлению с ними целиком. Также в приложениях помещены списки эллинистических царей для ориентации во времени, карты и чертежи. Отметим, что в книге будут встречаться разные варианты названий древних городов – например, Эфес и Ефес, Аспенд – Аспендос, Фаселис – Фазелис – Фасилида, Пергия – Перга и т. д.: это не небрежность или недосмотр, просто цитирование того или иного исторического труда не позволяет изменять встречающиеся географические или личные имена даже ради унификации; в самом же авторском тексте есть тенденция к сохранению более греческого названия городов, нежели турецкого (Пергия вместо Перге, Сида – Сиде, Атталия/Анталья – Анталья и т. д.).

Особняком стоит последняя часть книги, повествующая о некоторых святынях и достопримечательностях Турецкой Республики Северного Кипра. В 2006 г. попасть туда, как в оккупационную зону, было почти невозможно – почти... Но ценой поистине непомерных трудов автору удалось «подпольно» проникнуть даже туда, в Фамагусту и окрестности, – чуть ли не под прицелами автоматов британских миротворцев, охраняющих границу между южной, греческой, частью острова и северной, турецкой, – туда, где шествовали своими стопами апостолы Павел, Варнава и евангелист Марк. В 2012 г. это стало намного легче, что не может не радовать, хотя партизанская «романтика» исчезла начисто.

В добрый путь, читатель, по дорогам апостолов и завоевателей. Сейчас мы мысленно пройдем их вместе, но желаю, чтоб мы еще не раз ступили на ту святую землю в действительности.

Е.В. Старшов, эксперт богословия. 2020 г.

Часть 1. Провинция Анталия. (южное побережье Турции)

Глава 1. Миры Ликийские: место святительства Николая Чудотворца

Всемирно известный святой и епископ Мир Ликийских Николай отошел ко Господу в 345 г. н. э.; его жизненный путь был тернист и вместил многое: ревностное служение Богу, заступничество за невинно осужденных, исповеднический подвиг в узилищах императора Диоклетиана, участие в Первом Вселенском соборе и содержащиеся в житиях и легендах многочисленные чудеса. Но настал час исполнить долг каждого перед Творцом, и честное тело святителя погребается там, где он провел большую часть своей жизни, – в столице Ликийи городе Мирах. Св. Андрей Критский говорил: «Величаю тебя, митрополия Ликийская, ты стяжала пастыря чадолюбивого, ты прияла на голову свою дорогой и нетленный венец. Кто это? Николай, в нуждах предстающий с небесными утешениями, неукоснительный защитник в обидах, великий в чудесах и страшный в явлениях, спасающий невинных от гибели, разрушающий сновидениями несправедные предприятия. Блажен ты из городов, Миры! Ты вмещаешь

в недрах столь великого благодетеля». Почти семь с половиной веков пребывало в Мирах тело святителя, пока волею Божией не было перенесено в Италию, о чем речь пойдет чуть позже.

Так что же известно об этом славном своим святителем ликийском городе? Во времена св. Николая Миры – столица Ликии, исторической области в Малой Азии; ныне входит в состав Турецкой Республики. Древнее население Мир было, по-преимуществу, греческое, так как, подобно всем крупным античным малоазийским городам – таким как Эфес, Милет, Пергам и прочим, – Миры возникли как колония во время великой греческой экспансии. Туземный элемент, как правило, частично истреблялся, частично ассимилировался; но доселе вековые камни местных могил несут на себя причудливые начертания букв давно умершего ликийского языка... О свободолюбии ликийцев свидетельствует страшная история их столицы – Ксанфа: когда в VI веке до нашей эры многие малоазиатские города открывали свои ворота персам, ликийцы яростно отбивались от вражеских полчищ; когда стало ясно, что Ксанф падет, его защитники предпочли сжечь себя и город, но не стать рабами, как о том повествует «отец истории» Геродот: «Ликийцы же, когда Гарпаг вступил с войском в долину Ксанфа, вышли ему навстречу и доблестно сражались небольшими отрядами против огромного войска. Потерпев поражение, они были оттеснены в город [Ксанф]. Тогда ликийцы собрали на акрополе

жен, детей, имущество и рабов и подожгли акрополь, отдав его в жертву пламени. После этого ксанфии страшными заклятиями обрекли себя на смерть: они бросились на врага и все до единого пали в бою. Ведь среди нынешних жителей Ксанфа, которые выдают себя за ликийцев, большинство – пришельцы, за исключением 80 семей. Эти 80 семей в то время случайно находились в чужом краю и потому избежали этой страшной участи. Так-то Гарпаг овладел Ксанфом. Подобным же образом он захватил и город Кавн, так как большинство кавниев последовали примеру ликийцев». Древняя эпитафия гласит: «Мы превратили наши дома в гробницы, а гробницы – в дома, наши дома разрушены, наши гробницы разорены. Мы уходили в горы и скрывались под землей, мы оставались под водой. Они пришли и нашли нас, сожгли и уничтожили нас. Мы, которые предпочли убить себя, избавляя от позора наших матерей, наших женщин и наших мертвых, мы оставили такой погребальный костер, который не выгорит никогда». Персы так до конца и не смогли овладеть Ликией, и не только они: отчаянное сопротивление встретили родосцы, сирийцы, пергамцы, понтийцы... В эпоху Античности довольно известны были ликийские пираты (не путать с киликийскими, еще более известными) – на них начали жаловаться друг другу еще египетские фараоны и кипрские цари за 1400 лет до н. э. (как пишет выдающаяся исследовательница истории Родоса К.М. Колобова, «ликийцы выступают перед нами еще в Тель-Амарнской пе-

реписке как пиратские племена. Аменхотеп III был занят постоянно охраной побережья Дельты от пиратских нападений ликийцев, и в правление Эхнатона царь Алашии (Кипра) сообщал, что “Lykki” ежегодно опустошают одно поселение за другим в береговой полосе его страны. Ликийских наемников мы встречаем в Египте в правление XXVI династии фараонов»). Так что, к прискорбию, не прав известный английский историк малоазийских городов Джонс, утверждая, что ликийцам был чужд морской грабеж. Да и Плутарх вспоминает о совсем уж незапамятных временах в связи с ликийским пиратством, перетолковывая миф о чудовищной Химере (огнедышащем гибриде льва, козы и змеи) и убившем ее герое Беллерофонте: «К мифам относится то, что, как передают, произошло в Ликии, но эта молва упорно держится. Говорят, что Амисодар, которого ликийцы называют Исаром, привел из ликийской колонии Зелей пиратские корабли под началом Химара, мужа храброго, но грубого и свирепого. Его корабль имел на носу изображение льва, а на корме – дракона. Много бед он причинял ликийцам, невозможно стало не только выйти в море, но и жить в приморских городах. Наконец его убил Беллерофонт». О свирепом пирате Зеникетисе, принявшем смерть в ликийском Олимпсе, будет рассказано в другой главе, посвященной истории Фаселиса.

Своего расцвета Ликия достигла в пятом веке до нашей эры, когда она вместе с Карией, Эгейскими островами и дру-

гими землями объединилась в сильное государство, известное как Родосский союз, под гегемонией острова-государства Родос. Конечно, отчасти этот союз был принудительным, как любой союз между победителями и побежденными. Последними оказались на какое-то время в данном случае ликийцы, хотя их вековая вражда с родосцами отмечена еще Гомером в его «Илиаде», где ликийский царь Сарпедон, союзник троянцев, убивает родосского царя Глеполема, сына Геракла. Но это дела совсем уже прошедших веков. Нетипичная по сравнению с остальными греческими городами и государствами экономическая и политическая стабильность Родосского союза привела к тому, что он стал главным денежным центром Эллинистического Средиземноморья. Вместе с центром – Родосом – богатеет и развивается Ликия; однако благоденствие Родосского союза было погублено новой силой, смело заявившей о себе в античном мире, – римлянами. Интересно, что на сей раз завоеватели привели Родосский союз к покорности не грубой силой, а экономической «петлей»: римляне создали центр беспощадной торговли на острове Делос, и сначала рухнула экономика Родосского союза, а затем и он сам. Прибрать к рукам бывшие земли союза не составило римлянам никакого труда, и так Ликия вошла в Римскую республику, позже – империю, хотя интересно отметить, что формально она была какое-то время независима. Это явно льстило свободолюбивым ликийцам, имевшим очень древние традиции народовластия, от-

меченные еще самим Аристотелем: в лучшие свои времена Ликийская лига включала 23 города, из них Ксанф, Пинара, Патары (родной город св. Николая), Миры и Олимпос имели по три голоса в общеликийском собрании, на котором каждую осень избирался ликиарх – правитель Ликии. Долгое время ликийскими городами правили местные династы – пока по приказу персов их не истребил карийский сатрап Мавсол. Однако же довольно быстро независимость превратилась в эфемерность, и Ликия стала такой же провинцией Рима, как и все остальные. Жители Ксанфа сожгли себя еще раз, не желая сдаваться войскам одного из убийц Цезаря – Брута, как повествует Плутарх в его жизнеописании: «Брут стал требовать от ликийцев денег и войска. Демагогу Навкрату удалось убедить несколько городов отложиться от Брута и занять их войсками возвышенности с целью помешать дальнейшему движению Брута. Сперва Брут двинул против них конницу и изрубил у них во время завтрака 600 человек. Затем он стал занимать местечки и маленькие города, причем с целью привязать к себе население отпускал всех пленных без выкупа. Ликийцы, однако же, отличались дерзостью. Все, чем он вредил им, возбуждало в них чувство раздражения, над мягкостью же и гуманностью его они смеялись. Наконец, он загнал самых храбрых из них в Ксант и повел осаду. Ликийцы стали бросаться в реку, протекающую вблизи города, и старались убежать, но попадали в сети, расставленные по течению на дне реки. По краям сети

были привешены колокольчики, тотчас же дававшие знать, если кто-либо попадался. Однажды ночью ксантцы сделали вылазку, напали на римские осадные машины и зажгли их. Римляне заметили это и заставили неприятеля запереться в стенах. В это время сильный ветер погнал к стенам огонь, который перешел на ближайшие дома. Брут испугался, что город может быть разрушен, и приказал немедленно помогать населению тушить огонь. Ликийцев внезапно охватило чувство какого-то ужасного, необъяснимого отчаяния, чувство, с которым лучше всего сравнить своего рода любовь к смерти. Все они вместе с женами и детьми, свободные и рабы, люди всех возрастов, кинулись на неприятелей, желавших помочь в тушении пожара, и стали гнать их со стен. Сами они начали сносить в одну грудку камыш, дрова и все горючие вещества с целью превратить город в пепел и всячески старались увеличить, раздуть огонь, давая ему всякого рода пищу. Пламя разлилось, со всех сторон охватило город и вспыхнуло высоко вверх. Брут был опечален случившимся и, разъезжая верхом вдоль городской стены, старался помочь ксантцам. Протягивая к ним руки, он умолял их пощадить, спасти город, но его никто не слушал. Не только мужчины и женщины убивали себя разного рода способами, но даже малые дети с криком и шумными восклицаниями прыгали в огонь, другие бросались со стен, третьи подставляли шею под удар отцам и, раздевшись, просили убить их. Когда город был взят, нашли женщину в петле. На шее у нее висел труп

ребенка, горевшей лампой она хотела поджечь дом. Картина была ужасна. Брут не мог смотреть на нее, но, услышав о случившемся, заплакал. Он обещал наградить солдата, который спасет хоть одного ксантца. Говорят, не отказавшихся от жизни было только полторааста человек. Таким образом, над ксантцами после целого ряда веков снова разразился гибельный удар судьбы. Они смелостью напомнили своих предков, которые во время войны с персами также похоронили себя при пожаре своего города».

Когда единая прежде Римская империя была разделена ее правителями на две – Западную и Восточную (ныне более известную, как Византия, но сами «византийцы» такого наименования не знали и называли себя римлянами, а свое государство – Империей ромеев, несмотря на то что она была, по сути, греческой), Ликия отошла к последней. Византийский период вновь отмечен расцветом Ликии и ее портов и торговых городов, но все равно – до прежнего уровня развития и полунезависимости она подняться не смогла, а затем и Византийская империя начала слабеть и суживаться в своих границах: войны с варварами, арабами, славянами и норманнами медленно, но верно истощали ее; враг не раз появлялся под стенами столицы – Константинополя. Расположенная в Малой Азии Ликия также подвергалась регулярным нападениям различных врагов, по преимуществу – мусульман (византийский император Констант Второй, знаменитый своей роскошной бородой и поддержкой моно-

фелитской ереси (признававшей в Богочеловеке Христе две природы – Божественную и человеческую, но при этом лишь одну волю), попытался разбить флот арабов у берегов Ликии в 654 г., но потерпел сокрушительное поражение и спасся со своего тонущего корабля, только обменявшись одеждой с человеком «малозначительным», которого враги и убили вместо василевса); Миры не раз разграблялись и постепенно приходили в упадок. Впрочем, византийское правительство не сидело сложа руки и в VII–VIII веках предприняло ряд мер для пополнения населения Малой Азии за счет добровольного и принудительного переселения туда славян: в основном, в Вифинию, в сирийское приграничье, потом в Каппадокию; не стала исключением и Ликия. Вкратце скажем, что славян переселяли в Малую Азию василевс Константин Второй в 668 г., василевс Юстиниан Второй Ринотмет (Безносый) – в 687 г. (около 80 000 человек, но ввиду того что славянский боевой отряд изменил василевсу и перешел к мусульманам, император эту колонию истребил); в 762–763 гг., при Константине Пятом, были переселены более 200 000 человек, и т. д. Колонисты имели самоуправление, собственные судебные органы и т. д.; главное, что от них требовалось, – военная служба и налоги. Постепенно славянский элемент растворился в местном, хотя еще долго малоазийские славяне осознавали себя отдельным народом, не причисляя себя ни к византийцам, ни к арабам; так вот намного позже, уже в XVI–XVII веках, западноевропейские уче-

ные (Иаков Лопес де Стуника – переводчик и издатель многих греческих и латинских текстов, участвовавший также в издании испанской Комплютенской Библии на 4 древних языках (1522 г.), и Иоганн Якоб Хофманн – автор «Универсального словаря»), еще фиксировали существование СЛАВЯНСКОГО наименования Мир Ликийских – Струмица. (Этот факт не встречался автору ни в русских, ни в английских изданиях, но был обнаружен в сербской книге «Свети Никола: правило вере и крсна слава».)

Впрочем, к XI веку Миры все равно пришли в упадок; остаток населения города постановил переселиться в более безопасное место в 13 стадиях (3 км) от старых Мир. Мощи святителя остались в разоренном городе под присмотром нескольких монахов. Легенда (несомненно, позднего происхождения, созданная в объяснение всего происшедшего) рассказывает, что чудесным образом св. Николай явился кому-то из обитателей Мир и наказал жителям вернуться; они не исполнили его наказ, и тогда он сказал: «Тогда я от вас уйду». Мирян не вразумило и это. Тогда, как свидетельствует многочисленная житийная литература, святитель явился священнику города Бари в Италии и сказал: «Иди и скажи людям и всему собору церковному, чтобы отправились в Миры, город Ликийский, да возьмут оттуда мои мощи и, принеся сюда, положат в этом городе Бари, ибо не могу там пребывать на месте пустом; так изволилось Господу Богу моему». Итальянцы в итоге спешно и тайно подготовили це-

лую морскую экспедицию и исполнили волю чудотворца: его мощи были перевезены из Мир Ликийских в Бари 9 мая 1087 года, где они покоятся и донныне.

Однако источники приводят ряд фактов, согласно которым перенесение мощей можно охарактеризовать и другим словом: похищение. Тайна экспедиции, соревнование с венецианцами, угроза убить охранявших мощи греческих монахов, наконец, сам саркофаг, некогда вмешавший честное тело святителя, имеет явные следы спешного и насильственного вскрытия: в частности, доподлинно известно то, что проникшие в церковь итальянцы не смогли открыть крышку каменного саркофага – настолько она была тяжела, и тогда они варварским способом просто пробили его стенки и через них извлекли мощи св. Николая: все это свидетельствует о многом; кроме того, в спешке похитители потеряли часть мощей, что вряд ли было бы возможно при более спокойных обстоятельствах; эти частицы были заботливо собраны воистину осиротевшими жителями Мир, слишком поздно осознавшими, какого духовного сокровища они лишились, сложены в ларец, и теперь он хранится в историко-археологическом музее Анталии. Так в церкви, где служил св. Николай и где он был погребен, не осталось ни частицы его мощей. Греческая церковь считает это событие прошедших веков ограблением, и поэтому праздник перенесения мощей из Мир в Бари не отмечает (таково широко распространенное мнение, хотя встречаются и опровержения); вместо это-

го греки празднуют 11 августа день рождения святителя. Не так давно этот праздник стал отмечаться и в Русской православной церкви, хотя официально в календаре еще не закреплён. Стало как-то считаться, что ранее этот праздник отмечался Русской церковью до раскола. Вопрос сложный, автор проверил – по крайней мере, в старообрядческом Часослове издания Супрясльского монастыря за 1772 г. этот праздник под 29 июля старого стиля назван вовсе не рождением святителя, но «Принесением иконы Николы Чюдотворца, иже от Вятки». Так что когда напутали – сейчас или уже под 1772 г., – неизвестно.

Перед тем как продолжить рассказ о современном состоянии Мир, нельзя не вспомнить, что этот город был посещен одним из первоверховных апостолов – Павлом. По отправлении его в свое четвертое миссионерское путешествие первой остановкой на пути стали именно Миры: «И, переплывши море против Киликии и Памфилии, прибыли в Миры Ликийские. Там сотник нашел Александрийский корабль, плывущий в Италию, и посадил нас на него», – пишет св. Лука в Деяниях апостольских (Деян. 27: 5–6). Пристань Андриак, откуда отплывал Павел, ныне разрушена, но отдельные фрагменты римских построек еще видны, и в их числе – гранариум (зернохранилище) и монументальный фонтан, плотно населенный лягушками и водяными черепахами. Город Миры, да и Ликия вообще, осияны славой беспримерного подвига многих мучеников. А.В. Бугаевский и ар-

химандрит Владимир (Зорин) пишут: «В день памяти святителя Николая у его мощей в Мирах святитель Андрей, архиепископ Критский (родился около 660 г., умер 4 июля 740 г.) произнес проповедь в виде похвального слова (энкомий). В ней святитель Андрей сравнивает подвиг архиепископа Мирликийского Николая с подвигом мучеников Крискента, Диоскорида и Никокла (гл. 9). Крискент пострадал в Мирах в 258–259 гг. при императорах Валериане и Галлиене. Его память 13/26 апреля. Диоскорид – память 13/26 октября, и Фемистокл (или, согласно святителю Андрею Критскому, – Никокл) – память 21 декабря/3 января, пострадали в Мирах в 250–251 гг. при императоре Декии. Сохранилась память еще о нескольких ликийских мучениках: Мефодий, епископ Олимпийский (он же Патарский. – *Е.С.*), церковный писатель, пострадал в Халкиде в 311–312 гг.; Афффиан из Гаги (рядом с Олимпом) – в Палестине; Лев и Иулиана – 24 июля/6 августа – при Диоклетиане; Парегорий и Лев – в Патаре (память 18 февраля/3 марта) в 178 или 258–259 гг.».

Исследование, проведенное итальянскими учеными под руководством профессора Луиджи Мартино, мощей святителя в Бари в 1953–1957 гг., твердо установило, что св. Николай перенес жестокие пытки и долгое заточение (подтвердив свидетельство византийского агиографа Симеона Метафраста) в гонение Диоклетиана и Галерия, начавшееся в 305 г. Поскольку оно еще не раз будет помянуто на страницах этой

книги, приведем бесценное свидетельство очевидца – епископа Евсевия Кесарийского (известного, как «отец церковной истории»), оставленное им в его «Церковной истории»: «Своими глазами видели мы, как молитвенные дома рушились от верха и до самого основания, а Божественные святыя книги посередине площади предавали огню; как церковные пастыри постыдно прятались то здесь, то там, как их грубо хватили и как над ними издевались враги... То, что затем произошло, превосходит всякое описание: повсюду попали в заключение тысячные толпы; тюрьмы, построенные издавна для убийц и разрывателей могил, были теперь полны епископов, священников, диаконов, чтецов и заклинателей; места для осужденных за преступление не оставалось... Мы знаем, кто прославился в Палестине, знаем, кто в Тире Финикийском. Кто не будет потрясен, видя, как эти воистину изумительные борцы за веру стойко переносили длительное бичевание и сразу же после него состязание с кровожадными зверями! С изумительной выдержкой встречали эти благородные люди нападение любого зверя: леопарда, медведя той или иной породы, дикого кабана, быка, разъяренных от прижигания каленым железом. Мы и сами присутствовали при этом и видели... Можно было бы удивляться и тем, кто был замучен у себя на родине. Здесь тысячи людей – мужчин, женщин, детей, – презрев эту временную жизнь, вытерпели за учение Спасителя нашего смерть различного рода: одних после “когтей”, дыбы, жестокого бичевания и множе-

ства разнообразных пыток, о которых и слушать страшно, предавали огню; других топили в море; иные мужественно подставляли свои головы под мечи палачей; некоторые умирали в пытках; иных уморили голодом, других распинали – или как обычно распинают преступников, или более жестоким способом, пригвозждая головой вниз и оставляя в живых, пока они не погибали от голода на самом кресте. Пытки и страдания, которые вынесли мученики в Фиваиде, превосходят всякое описание. Их терзали “когтями” и раковинами, пока они не расставались с жизнью; женщин, привязав за одну ногу, поднимали с помощью каких-то орудий в воздух головой вниз, совершенно обнаженных, ничем не прикрытых, – зрелище для всех глядевших и позорнейшее, и по своей жестокости бесчеловечнейшее. Других привязывали к веткам деревьев: с помощью каких-то приспособлений две самые крепкие ветки притягивали одну к другой, привязывали к каждой ногу мученика; затем ветки отпускали, они принимали свое естественное положение, и человек был раздираем пополам. Все это творилось не несколько дней, не в течение короткого времени, а длилось долгие-долгие годы... Мы находились в тех местах и видели, как в один день разом гибло множество людей: у одних рубили головы, других жгли на костре; мечи, которыми убивали, тупились, железо ломалось; уставали сами палачи, сменявшие друг друга... Маленький фригийский городок, населенный христианами, окружили солдаты и сожгли его дотла вместе с детьми

и женщинами, взывавшими к Богу Вседержителю, сожгли потому, что все жители города: сам градоправитель, военачальник с прочими магистратами и весь народ – исповедали себя христианами и не послушались приказа поклониться кумирам... Зачем...описывать многочисленные мучения дивных мучеников? Одних, как в Аравии, зарубили секирами; другим, как в Каппадокии, ломали ноги; иногда подвешивали головой вниз и разводили под ними слабый огонь: люди задыхались в дыму, поднимавшемся от горячих сучьев, как случилось в Месопотамии; а иногда, как в Александрии, им отрезали носы, уши, руки и уродовали другие члены и части тела. Вспоминать ли антиохийских мучеников, которых поджаривали на раскаленных решетках с расчетом не сразу их умертвить, а подольше мучить; другие предпочитали положить в огонь правую руку, чем прикоснуться к мерзкой жертве. Некоторые, избегая испытания и не дожидаясь, пока их схватят враги, бросались вниз с высоты дома; в сравнении с жестокостью безбожников такая смерть казалась счастливым жребием... Страшно слушать, что терпели мученики в Понте: им загоняли под ногти на руках острые тростники и прокалывали насквозь пальцы; расплавив свинец, поливали этим кипящим металлом спину, обжигая нежные части тела... Невозможно пересчитать людей, у которых, вопреки всякому здравому смыслу, выбивали мечом правый глаз, а затем прижигали глазницу, и у которых левая нога от прижиганий суставов переставала действовать. После этого

их отправляли в провинцию на медные рудники – не столько для работы, конечно, сколько для изнурения и мучения. Кроме всех этих мучеников, были и еще погибшие в других подвигах. Невозможно их перечислить; мужество их превосходит всякое описание. В таких-то состязаниях просияли по всей вселенной преподобные Христовы мученики, всюду, естественно, поражавшие тех, кто видел их мужество. В них проявлена была воистину Божественная неизреченная сила Спасителя нашего. Назвать каждого по имени было бы долго, вернее, невозможно».

В работе А.В. Бугаевского и архимандрита Владимира (Зорина) «Святитель Николай, архиепископ Мирликийский, Великий Чудотворец. Его жизнь, подвиги и чудотворения, изложенные по древним греческим, латинским и славянским рукописям», сказано: «Упоминание о мучениях святителя Николая на дыбе и о других пытках, а также описание тягот его тюремного заключения имеются у блаженного Симеона Метафраста (гл. 13 – “Он был приговорен к оковам, дыбе и множеству других пыток, а затем вместе с многими христианами”. – вставка *Е.С.*), в Синаксаре Константинопольской церкви... в “Житии вкратце” (гл. 3) и в энкомии пресвитера Неофита (гл. 26). По заключению профессора Луиджи Мартино, анатомо-антропологические исследования костей грудной клетки и позвоночника святителя Николая свидетельствуют, что святой страдал артрозом позвоночника и, возможно, анкилозом (неподвижностью су-

става вследствие сращения суставных поверхностей). Радиологическое исследование черепа выявило внутреннее костное уплотнение черепной коробки, весьма обширное и ярко выраженное (*perostosis endocramosica diffusa*). Профессор Л. Мартино полагает, что указанные костные изменения должны объясняться долгим влиянием холода и сырости, которым святитель подвергался во время многолетнего томления в тюремных помещениях, куда он был заключен в возрасте около 50 лет». Кроме того, результаты обследования в 2005 г. были направлены на судмедэкспертизу в Англию, и тогда появились дополнительные сведения не только о росте святителя (1 м 52 см – в древности люди были, кстати, меньше ростом, чем теперь, достаточно посмотреть на некоторые средневековые доспехи), но и о том, что у него был перебит нос (сильно повреждены кости между глаз) – еще одно свидетельство перенесенных святителем истязаний.

Интересно, что сохранилось ходатайство ликийских язычников, направленное в 311 г. (как раз в этот год или в 313-м свят. Николай вышел на свободу) власти, о продолжении преследования христиан (высечено на камне города Ариканды): «Спасителям всего племени и рода человеческого августам цезарям Галерию Валерию Максимиану, Флавию Константину и Валерию Лициниану Лицинию от народа Ликии и Памфилии прошение и моление. Мы уже удостоились человеколюбивых благодеяний ваших богов-гениев и радеем о служении им. О божественнейшие императоры, всегда за-

боятся о благополучии вас, всепобеждающих владык, мы решили, что нам должно прибегнуть к вашей бессмертной царственности и попросить, чтобы уже давно безумствующие христиане, которые и до сих пор сохранили ту же болезнь, наконец, остановились и никакими своими пустыми новшествами не преступали должное почитание богов. Это непременно было бы исполнено, если бы вы не воспрепятствовали незаконным деяниям безбожников и вашим божественным и вечным указом повелели всем им отречься от их веры. Да будут все они принуждены почитать культ ваших гениев ради вашего вечного и бессмертного царствия, что, как очевидно, было бы особенно полезно всем вашим людям».

Добавим к списку уроженцев Ликии еще таких знаменитых святых, как мученик Христофор («псоглавец», III век) и св. прп. Герасим Иорданский (тот самый, что дружил со львом, V век). В истории философии остался славен неоплатоник Прокл (412–485 гг.), который хотя и родился в Константинополе, но от ликийских родителей и в раннем детстве был увезен на родину, где воспитывался и обучался. Он основал афинскую школу неоплатонизма, просуществовавшую до 529 г.

Что же представляют собой Миры Ликийские сейчас? Этот город существует и ныне, только под турецким названием Дебре, так как уже почти тысячу лет находится под турецкой властью. Доступная на сегодня для исследования часть древнего города находится чуть в стороне от основной

застройки и является сейчас археологическим памятником. Большая же часть Мир занесена песком и илом моря и реки Мирос, поверх которых отстроились турки (совершенно недавно раскопан удивительный византийский храм!). Высоко на горе видны укрепления акрополя; сами срезы гор источены многочисленными прямоугольными вытянутыми вверх отверстиями: это гробницы, в которых некогда покоились жители союзного Родосского государства; все захоронения давным-давно разграблены, в склепах нет даже костей, и только потолки до сих пор чернеют копотью от факелов грабителей. Интересна древняя традиция: когда умирал или погибал муж, его вдова должна была продемонстрировать ликийскому обществу свою любовь к покойному, что можно было сделать двумя путями: либо последовать за покойным, либо, смешав часть его праха с вином, выпить.

Отметим еще, что, наряду с выдолбленными в горах могилами, ликийцы любили обустраивать саркофаги в виде перевернутых кверху днищем каменных лодок (без оконечностей) на высоких постаментах. Почва Ликии весьма скудна, поэтому вся жизнь ликийцев была связана с морем. Это и символизировала перевернутая лодка – что жизненное плавание завершилось...

Но вернемся к горному некрополю. В нем особо примечателен надмогильный барельеф с двумя ликийскими воинами. Около него, внизу, расположены руины гигантского греко-римского театра II века н. э. 29 его рядов вмещали

некогда 9—10 тысяч зрителей. В последнее время он был еще больше раскопан, явив свету чудесные мощные арки. В стороне от этого археологического парка и находится церковь Св. Николая Чудотворца – вернее, целый комплекс, состоящий из трех частей. Первая часть располагается на открытом месте и представляет собою раскопки древнего храма Артемиды, который был частью разобран, частью перестроен при возведении христианской церкви; там сохраняется камень с греческой надписью, упоминающей Артемиду (в 2013 г. автор этого камня уже не обнаружил, зато в 2018 г. в галерее около него обнаружился другой прелюбопытнейший экспонат – фрагмент колонны с античным рисунком движения кораблей по ликийским портам). Рядом – руины IV–V веков, по сути, и являющиеся руинами той церкви, где служил и был погребен св. Николай. Сохранились стены храма, местами кровля, остатки росписей и мозаик; наиболее интересно типичное византийское тройное окно в апсиде. Рядом с руинами этой церкви стоит более поздняя постройка, ориентировочно VIII века; известно, что ее восстанавливали император Константин Мономах в XI веке и русские цари Николай Первый и Александр Второй. Принято считать, что храм между временем Мономаха и явившими его вновь свету раскопками XIX века пребывал в запустении и так за столетия и скрылся под землей, однако турки сейчас, видимо, справедливо утверждают, что они, мол, с самого начала своего владычества позволяли жителям Мир по-

прежнему молиться в ней и поддерживать в благопристойном состоянии, и храм погубило не завоевание, а последующее небрежение жителей и общее запустение Мир. Известно, что в 1361 г. войска кипрского короля-крестоносца Петра Первого ненадолго захватили Миры Ликийские и вывезли в Фамагусту (на Кипре) чтимую икону свт. Николая, поместив ее в местном готическом соборе (о нем поговорим в 4-й части), – значит, можно предположить, что еще в то время церковь Св. Николая худо-бедно еще функционировала. Кипрский хронист Леонтий Махерас так пишет об этом в своей «Повести о сладкой земле Кипр»: «Во вторник 9 мая 1362 г. после Рождества Христова король отправил 4 галеры, 6 тафоресс и 4 корсарских корабля. Он решил поменять капитана. Он отправил сира Жана де Сюра, адмирала, в Атталию в качестве капитана, на место капитана, который имел титул туркопольера, и отправил им много людей, оружия и продовольствия, чтобы поддержать их. Адмирал отдал письма капитану. Затем адмирал взял корабли и пошел в Миру, где был Св. Николай, высадился на берег и осадил [турок]. С помощью Бога он взял крепость и [опустошил, насколько мог]; он взял икону великого Николая, привез ее в Фамагусту и поместил в латинскую церковь Св. Николая. И вернулся в Атталию. Затем он высадился на берег и принял крепость у капитана. А когда адмирал покинул Миру, он бросил огонь и сжег крепость».

Но вернемся, собственно, в храм. «Сердцем» всего хра-

мового комплекса является саркофаг, в котором хранились мощи святителя Николая, со следами событий 1087 года: две его стенки выломаны практически полностью. В 2013 г. автор видел его уже закрытым от посетителей и паломников стеклом; но в том же году уже было возможно осмотреть галерею с саркофагами и росписями, прежде закрытую. Вообще, вокруг церкви некогда располагался огромный комплекс, включавший дворец епископа и здания, назначения которых доселе не выяснены (предположительно монастырь с помещениями для паломников); увы, все это давно в руинах. В целом картина, можно сказать, безотрадная: кругом царит запустение, на престоле прикреплена таблица с просьбой не садиться на него, но турчанки ставят на него своих детей, чтобы сфотографировать их; по алтарю бродят туристки-европейки; снаружи предприимчивые турки распродают мешочки с землей из церкви, а на этих мешочках – изображение Деда Мороза: только в ипостаси Санта-Клауса святитель Николай выгоден новым хозяевам Мир Ликийских: изображение пышнобородого деда в очках и красной «кока-кольной» шубе растиражировано по всему Дедре. И только один раз в год, 6 декабря, в день преставления святителя, в разоренный храм приносят антиминос, иконы, св. сосуды и прочее, и греческое духовенство совершает Божественную литургию. Но внешнее – это одно; оно преходяще. Главное, что, как сказано в начале канона св. Николаю, «Отечество свое, Миры Ликийские, не оставь духом, во премир-

ный град Барский преславно телом пренесся, архиерею Николае. И отгуду множество человеческое своим пришествием возвеселил еси. Тем же тя молим, святителю Николае, моли Христа Бога, да спасет души наша». Духом святитель Николай не оставил родную страну, и целы еще камни храма, внимавшие молитвам великого Угодника Божия.

Глава 2. Пергия: город апостольской проповеди и мученической славы

Пергия дважды упоминается св. Лукой в Деяниях апостольских в связи с первым миссионерским путешествием св. апостола Павла (47–49 гг.). Покинув остров Кипр, апостолы Павел, Варнава (о нем подробнее см.: ч. 4, гл. 2), Марк и их спутники отплыли в регион, называемый Памфилией, на юг современной Турции, столицей коего и была Пергия. Св. апостол и евангелист Лука пишет: «Отплывши из Пафа, Павел и бывшие при нем прибыли в Пергию, в Памфилии; но Иоанн (он же Марк, будущий евангелист. – *Е.С.*), отделившись от них, возвратился в Иерусалим» (Деян.13: 13).

В отличие от многих античных городов Турции, донныне продолжающих свое существование, Пергия (или, как ее называют турки, Перге, не путать с античным Пергамом, ныне тоже находящемся в Турции, но только на ее Эгейском побережье) сейчас город «мертвый», археологический и туристический объект. В каком-то смысле это даже неплохо, поскольку Пергия избежала участи стать каменоломней для пришлого турецкого населения. Дата основания города теряется во тьме веков: предания относят ее ко времени Троянской войны (ок. 1250 лет до н. э.), археология относит постройку города к хеттской эпохе, то есть еще лет на 300–500 ранее войны за Елену Прекрасную. Тем не ме-

нее на скривжали истории город впервые попадает в 333 г. до н. э., когда он сдался Александру Македонскому во время его памфилийской кампании, и великий завоеватель использовал его, как опорный военный пункт, о чем свидетельствует, например, Арриан. В эллинистическую эпоху, последовавшую за смертью Македонского, городом владели Селевкиды, владыки Сирии, затем Атталиды, цари Пергама. В этот исторический период Пергию прославили зодчий Артемидор, который около 250 г. до н. э. выстроил на острове Фера частное святилище с алтарями тех богов, которых почитал заказчик, и математик Аполлоний, придворный и друг пергамского царя Аттала Первого (241–197 гг. до н. э.), создавший учение о конических сечениях и высчитавший площадь эллипса. Древний историк философии Диоген Лаэртский передает один эпизод из жизни киника Диогена со слов некоего «Зоила из Перги» – увы, более об этом персонаже не известно ничего, кроме разве что предположения, что он тоже мог заниматься историей философии: «Увидев однажды женщину, непристойным образом распростершуюся перед статуями богов, и желая избавить ее от суеверия, он (по словам Зоила из Перги) подошел и сказал: “А ты не боишься, женщина, что, быть может, бог находится позади тебя, ибо все полно его присутствием, и ты ведешь себя непристойно по отношению к нему?” Тит Ливий, повествуя о войне римлян, пергамцев и родосцев с сирийским царем Антиохом Третьим в своей бессмертной «Истории Рима от основания города» (война

закончилась Апамейским миром 188 г. до н. э.), указывает, что изо всей Памфилии только в Пергии стоял царский гарнизон, и упоминает его судьбу при следующих обстоятельствах: «Той зимой, когда все это происходило в Риме, к стоявшему в Азии на зимней стоянке Гнею Манлию, вначале консулу, затем проконсулу, прибывали посольства со всех сторон, от всех государств и племен, живших по сию сторону Тавра: насколько для римлян победа над царем Антиохом была славней и блистательней победы над галлами, настолько радостнее для союзников была победа над галлами, нежели над Антиохом. Легче было вынести рабство у царя, чем свирепость диких варваров, каждодневный страх, неизвестность, куда же теперь понесет их, грабителей, будто очередной бурей. Поэтому союзники, получившие по изгнании Антиоха свободу, а по усмирении галлов мир, являлись не только с поздравлениями, но и приносили в дар золотые венки – кто какие, смотря по возможностям. Явились также посольства от Антиоха и от самих галлов, чтобы установить условия мирного договора, а также послы от царя Каппадокии Ариарата, просившие прощения за то, что он поддерживал Антиоха вспомогательными войсками, и предлагавшие искупить свою вину деньгами. Ариарату велено было выплатить шестьсот талантов серебра; галлам ответили, что условия договора им будут определены по прибытии царя Эвмена. Посольства других государств были отпущены с благосклонными ответами и ушли еще более довольными, чем пришли.

Послам Антиоха было приказано везти в Памфилию деньги и хлеб, как это следовало из договора с Луцием Сципионом; туда, сказал консул, придет и он с войском. В начале весны консул, совершив обряд очищения войска, тронулся в путь и на восьмой день прибыл в Апамею. Там войско стояло три дня, а еще через три дневных перехода от Апамеи оно достигло Памфилии, куда люди царя должны были привезти деньги и хлеб. Полученные от них две тысячи пятьсот талантов серебра затем были перевезены в Апамею, а хлеб разделен в войске. Затем консул повел войско к Перге, городу, где стоял единственный в тех местах царский гарнизон. При приближении римлян навстречу вышел начальник гарнизона и попросил тридцать дней сроку для того, чтобы получить у царя Антиоха указания о сдаче города. Консул согласился, и в условленный день гарнизон покинул город. Из Перги Гней Манлий отправил своего брата Луция Манлия с четырьмя тысячами солдат в Ороанду, чтобы взыскать остаток тех денег, что причитались римлянам по договору, а сам, узнавши о том, что царь Эвмен с десятью легатами прибыл из Рима в Эфес, вернулся с войском в Апамею; послам Антиоха он приказал следовать за ним. Там в соответствии с решением десяти легатов составлен был мирный договор с Антиохом». Интересно, что римляне даже это месячное колебание припомнили пергийцам, и в то время как вовремя сдавшиеся соседние Аспендос, Сида и Силион еще в имперский период продолжали чеканить монеты с надпи-

сями, что они друзья и союзники Рима, Пергия была этой привилегии лишена.

В 133 г. до н. э. римляне вынудили последнего пергамского царя Аттала Третьего уступить им все свои владения, в том числе и Пергию (вообще в истории конца Пергамского царства много неясного; известно, что мать (Стратоника) и невеста (Береника) Аттала Третьего были убиты, сам он, полагая, что его предшественник Аттал Второй был отравлен, постоянно опасался за свою жизнь, отчего внимательно изучал ядовитые растения и их свойства, и его внезапная смерть в молодом возрасте, да еще при наличии завещания, заставляет подозревать многое, в первую очередь – отравление, равно как и подложность завещания. В 1947 г. О. Юлкина вообще разработала просто макиавеллистическую схему: якобы восстание рабов и бедноты под руководством Аристоника (о нем чуть подробнее в ином месте) началось не по смерти Аттала Третьего, а в его правление и беспомощный, но коварный царь нарочно завещал свои земли Риму, чтоб тот подавил восстание! Год опубликования этой версии, впрочем, говорит сам за себя. Отметим сразу еще один факт, что, говоря здесь и в иных местах о передаче земель Пергамского царства Риму, мы немного упрощаем ситуацию: периферийные земли Атталидов, в первую очередь Киликия и Памфилия, жаловались римлянами то одному верному им азиатскому царьку, то другому, но говорить об их независимости после 133 г. смешно: римляне кроили подвласт-

ные им земли, как хотели, то приращивая владения вассалов (вспомним хотя бы расцвет царства Ирода), то совершенно конфискуя их; да и ранее – к примеру, после разгрома Антиоха Третьего при Магнезии (189 г. до н. э.), римляне взяли да и «подарили» Родосу завоеванную Антиохом в 197 г. до н. э. Ликию (а ее кусочек – Атгалиду – Эвмену Второму); после нескольких восстаний ликийцев и их «челобитья» в Рим им в 169 г. «возвратили свободу». А почему? Вовсе не по справедливости, а чтоб наказать Родос за «неактивность» в Третью Македонскую войну. Поэтому говорим о действительном, а не кажущемся, тем более что в правление Веспасиана все эти «липовые» полунезависимости были уже практически выкорчеваны).

От эллинистической (доримской) эпохи в Пергии сохранились массивные ворота, охраняемые двумя огромными круглыми башнями; конечно, время не пощадило каменные гиганты, и они наполовину обрушились, но все равно даже останки этой древней постройки поражают: эллинистические укрепления мало где сохранились, а подобные циклопические сооружения вообще можно полагать уникальными. Они были сложены из тесаных камней равной высоты, и тип кадки чередовался через ряд – то сплошняком «тычком», то «ложком» (грубо говоря, то короткой, то длинной частью обтесанного каменного прямоугольного блока наружу). Высота башен достигала 18 м, диаметр составлял 11 м. Пергийские башни ворот играли огромную роль в деле обороны города;

явно, что на верхних ярусах у больших бойниц стояли камнеметные и стрелометные машины; последние также были на куртинах – стенах между башнями. Вообще пергийские укрепления, возведенные около 225 г. до н. э., были выдающимися произведениями фортификационного искусства. Куртины с арками на подпорках изнутри и сплошной галереей над ними позволяли осыпать противника просто градом стрел из луков и небольших стрелометных машин (на треногах) с двух уровней; прямоугольные башни о трех этажах – первый, «слепой», т. е. без окон и бойниц, чтоб враги не перестреляли защитников, обычно служивший складом; на втором этаже размещались лучники и небольшие стрелометы, на третьем, с широкими бойницами, – огромный камнемет). Круглая (вернее, цилиндрическая) форма башен ворот делала их намного устойчивее к действию таранов и камнеметов по сравнению с прямоугольными. Первый этаж был «слепой», во втором – щелевидные бойницы для лучников, в третьем – два окна для камнеметов, в четвертом – восемь; коническая черепичная крыша защищала установленные на верхнем этаже боевые машины. Сбоку были выходы для вылазок (один еще сохранился, автор даже в него пролез). Если б противник прорвался через ворота, его ожидала бы гибель в каменном мешке (позднее, во II веке н. э., богатая местная аристократка Планция Магна перестроила «мешок» в изящную галерею, украшенную статуями императором и, естественно, своими и своих родственников (часть их хранится

в анталийском музее), – тогда царила иллюзия, что «римский мир» никогда не будет нарушен, и никакой враг не ступит на землю империи)... Именно через эти ворота вошли в город апостолы, и они видели эти каменные громады во всей их красе. Большая часть остальных построек Пергии – театр на 15 000 зрителей, U-образный, держащийся на арках стадион на 12000 мест, фонтаны, ворота Септимия Севера, нимфеум (украшенный статуями монументальный фонтан, посвященный античным божествам воды – нимфам) и агора – относятся ко II–IV векам, не говоря о епископской христианской базилике (V век). Улицу, идущую с севера на юг, пересекает другая, идущая с запада на восток, и как раз на восточном ее конце находятся остатки зданий, современных посещению Павлом Пергии: это руины палестры (гимнастического зала), посвященной императору Клавдию, и бань – в том числе и более поздних. Банный комплекс Пергии потрясающ: его можно уподобить городу в городе.

Несомненно, что главной постройкой Пергии был храм Артемиды – покровительницы города. Архимандрит Никифор пишет в «Библейской энциклопедии», что этот город «славился своим храмом Артемиды или Дианы... бывшим местом гнусных идолопоклоннических празднеств». Увы, стиль соответствует сану автора, однако нельзя не отметить, что культ Артемиды в Пергии был всепоглощающ: изображения богини и ее храма чеканились на городских монетах, деревянные скульптурки языческой богини продавались в лав-

ках при стадионе; ее изображения присутствовали на фонтанах и колоннах, до нашего времени дошли хранящиеся в анталийском музее статуи и зодиакальный каменный диск с изображением Артемиды Пергийской. (Впрочем, в таком всенародном почитании еще в древности было одно исключение... Кто изучал латинский язык в институте по старому доброму учебнику Ярхо и Лободы, возможно, помнит, что в его хрестоматию был включен отрывок из речи Цицерона с обвинением сицилийского наместника Гая Верреса в расправе над командирами кораблей. Мало того: оказывается, тот же самый Веррес, как явствует из той же речи, будучи послан на борьбу с пиратами в область Памфилию, совершил святотатство. Вот слова Цицерона: «Как вы все знаете, в Пергии расположен известный и старый храм Артемиды. Уверяю, что этот храм был ограблен Верресом. Золото на статуе Артемиды было украдено им».) Знаменитый греко-римский ученый Страбон также подчеркивает в своей «Географии» важное для народа значение храма: «Вблизи Перги на возвышенном месте находится святилище Артемиды Пергейской, где ежегодно справляют общенародный праздник». Очевидно, что апостолы должны были столкнуться с многими трудностями в деле проповеди именно в этом месте: поэтому наверняка неслучайно, что, обойдя памфилийские и писидийские города, Павел и его спутники вновь пришли в Пергию и снова проповедовали там, как и пишет св. Лука: «И проповедавши слово Господне в Пергии, сошли в Атталию, А от-

туда отплыли в Антиохию, откуда были преданы благодати Божией на дело, которое и исполнили» (Деян. 14: 25–26).

Ныне считается, что храм Артемиды стоял на улице, ведущей от эллинистических ворот к фонтану, носящему имя императора Адриана. Сам фонтан очень интересен: вода шла до него с гор и вытекала под статуей возлежащего бога реки Кентроса (Кестроса), а далее подавалась на многие десятки метров по цепи прямоугольных бассейнов-резервуаров, откуда ее черпал народ, вплоть до ворот. В центре города, на агоре, стоит другой фонтан – круглый; на одном из камней вырезан дельфин. Интересно, что в языческие времена этот фонтан просто был источником водоснабжения, а в христианское время он стал источником святой воды. Агору окружают многочисленные торговые лавки. За пределами расчищенной части города стоят руины римских стен и башен; не тронув древние башенные ворота, римляне построили перед ними еще одни, тройные, также укрепленные башнями поменьше.

Теперь, имея некоторое представление о городе, обратимся к историческим источникам о пергийских мучениках за Христа, которые переработал св. Димитрий Ростовский в сводном капитальном труде «Жития святых». Хронологически первыми являются пострадавшие при императоре Антонине Пие (138–161 гг.) св. мученики Феодор, мать его Филиппия, Диоскор, Сократ и Дионисий. Призванный на военную службу Феодор исповедал себя христианином перед иге-

моном Феодотом и отказался принести жертву языческим богам. За это его били, жарили на огромной сковороде. Видя крепость мученика, языческий жрец Диоскор признал себя христианином, за что был изжарен на той же сковороде до смерти. Феодора привязали к коням и влачили по городским улицам; при этом ко Христу обратились два воина, которые привязывали его к коням, Сократ и Дионисий. Мученичество Феодора завершилось его распятием; матери его, утверждавшей его к страданиям, отсекали голову, а Сократа и Дионисия пронзили копьями. Потом христиане погребли их тела. Память их – 21 апреля ст. ст.

Большое гонение на христиан предпринял император Деций (248–251 гг.); подробнее об этом гонении будет рассказано в 3-й части в связи с эфесскими мучениками. В 250 г. в Пергии пострадали 3 февраля мученики Папий, Диодор и Клавдиан от памфилийского правителя Павлина, а 28 февраля повелением игемона Публия был распят епископ Нестор Магидийский, ранее арестованный правителем Иринархом.

В том же III веке 1 марта неизвестно какого года пострадали мученики Нестор и Тривим, про которых писано, что «им же по жестоким за Христа мукам ножами отрезаша главы». Наконец, при жесточайшем гонении Диоклетиана (284–305 гг.) 1 августа игемон Флавиан казнил Леонтия, Аттия, Александра, Киндея, Минсифея, Кириака, Минеона, Катуня и Евклея. Все они были простые люди («Минеон древо-

дель бяше, а прочии земледельцы»), единодушно замыслившие разорить храм Артемиды, что и сделали, за что им и отрубили головы.

Прошло совсем немного времени, и христианство было объявлено государственной религией Римской империи. Пергийский храм Артемиды был освящен во имя Божией Матери, а храм Аполлона – во имя Господа Иисуса Христа. Пергийский епископ Леонтий заверил своей подписью акты Второго Вселенского собора. Несравненный историк Юстинианова царствования Прокопий Кесарийский написал в своем трактате «О постройках», что Юстиниан (483–565 гг., правил с 527 г.) выстроил «...дом для нищих имени св. Михаила в торговом местечке по прозванию “Эмпорий” (пристань) города Перги в Памфилии». V–VI веками датируются и руины двух огромных христианских базилик: первая, длиной 75 м, располагалась у поздних римских ворот, вторая, имевшая размеры 50 на 70 м – на краю главной улицы (с колоннами). Затем, к VII веку, Пергия приходит в упадок из-за арабских набегов и потому, что заиленная река Кестрос отрезала город от возможностей морской торговли. Жители покинули древний город, погрузившийся в дрему веков, из которой его начали пробуждать лишь в 1946 г. турецкие археологи Ариф Мюсит Мансел и Джеил Инан. Большая часть Пергии еще не раскопана; найденные же за это время статуи и прочие ценные находки переданы на хранение в анталийский музей, поэтому подлинная тень

древнего города может явиться мысленному взору, только если удастся побывать в обоих местах – на раскопках Пергии и в археологическом музее Анталии.

Глава 3. Сиды: древний город на крови нимфы и родина друга свт. Иоанна Златоуста

Античный город Сиды известен и в гражданской истории – как место рождения сирийского царя Антиоха Седьмого, прозванного Сидетом (164–129 гг. до н. э., правил со 138), и центр античной пиратской работорговли, и в церковной – как место, где в период гонений на христианство пострадали доблестные пастыри народные – священники Александр и Киндей.

Священномученик Александр пострадал в царствование императора Аврелиана (270–275 гг.). Энергия и дальновидность сочетались в этом властителе с мрачностью и жестокостью: он прошел нелегкий путь от простого легионера до императора, и в песне, сложенной про него римскими легионерами, были такие слова: «Столько и вина не выпить, сколько крови выпил он». Стремление упрочить империю вылилось у него в учреждение восточного культа солнца и, как следствие, в гонение на христиан как инаковерующих. И вот полномочный представитель императора в римской провинции Памфилии игемон Антонин прибыл в город Сиды и первым делом арестовал городского пресвитера Александра. После обычных увещаний принести жертвы в храме

Минервы (Афины) иерей был подвергнут различным пыткам, в том числе огнем и железными крючьями, после чего брошен на арену театра на растерзание диким зверям, которые, однако же, вполне предсказуемо не тронули святого, и игемон приказал обезглавить страдальца, после чего, согласно житию святого, будучи одержим злыми духами, умер и сам. Вскорости погиб от рук заговорщиков и сам Аврелиан.

Священник Киндей пострадал позднее – при императоре Диоклетиане (284–305 гг.), знаменитом реформаторе, благодаря усилиям которого падение Римской империи было отсрочено более чем на полтора века. Сын вольноотпущенника – бывшего раба – иллириец Диоклетиан достиг вершин власти и оказался единственным правителем, который по истечении двадцатилетнего срока правления добровольно оставил престол и вел жизнь частного лица; по сообщениям древних историков, суровый гонитель на покое выращивал капусту, и когда делегация от нового правительства в один из сложных моментов явилась к нему пригласить вновь взять власть в свои руки, язвительный старик гордо ответил: «Вы посмотрите на империю – и на эту капусту!» – и отпустил их ни с чем. Талантливый полководец и администратор, человек, спасший империю от краха, реформировавший систему управления, войско, денежную систему, поначалу даже покровитель христиан, он остался бы в памяти народной одним из лучших императоров, если бы под конец правления под

давлением своего зятя Галерия, фанатичного язычника, не начал самые кровавые и массовые гонения на христиан. Если открыть святцы, то увидим, что конец III – начало IV века означало для древней христианской церкви то же самое, что для Русской – 1937–1938 гг. В эту мрачную эпоху и пострадал священник Киндей. По приказу игемона Стратоника его повели на казнь в железных сапогах с гвоздями. На пути слугам игемона встретился человек с дровами, и римляне решили отобрать у человека дрова для того, чтобы сжечь Киндея живьем: так святой сам заплатил обиженному горожанину цену дров – 30 медных монет; слуги стали искать человека, который понес бы дрова – и мученик сам взял их на плечи и понес к месту казни. Даже с костра святой провозглашал собравшимся истины Христовы. Киндей был еще жив, когда пошедший дождь угасил костер, и святой с благодарением Богу скончался. Бывший при этом языческий жрец уверовал со своей женой во Христа и предал тело Киндея погребению (моменты неуязвимости мучеников, причем временной, внезапного вмешательства стихий, столь же внезапного обращения или наказания гонителей характерны для многих древних житий, что мы еще не раз встретим; просто надо помнить, что житие – это не протокол, а особый литературный византийский жанр, в котором индивидуальность, к сожалению, зачастую приносится в жертву трафаретности ради пушечей назидательности (таков канон – как в иконописании); по словам С.В. Поляковой, известной исследовательницы и пе-

реводчицы многих византийских житий, «агиография достаточно многосторонне представляет действительность, рядом с которой уживается обычно наивная фантастика»).

Чуть более ста лет назад развалины древнего города вновь были обжиты людьми, и в настоящее время античная Сидэ – приморский турецкий город Сидэ в провинции Анталия. Поселение людей прямо на античных развалинах нанесло последним изрядный ущерб, но все равно положение там не настолько плачевное, как, например, в столице провинции – городе Анталии, где от наследия древних времен остались лишь ворота императора Адриана и участок стены с башнями. В Сиде уцелели главные объекты, связанные с житием и страданиями священномученика Александра: по крайней мере, не сами здания, но хотя бы их руины.

Итак, что же представлял из себя древний город Сидэ и что от нее осталось? Город был основан в VII веке до н. э. греческими колонизаторами с Эгейского побережья. Согласно мифам, анатолийская богиня природы и плодородия Сидэ, гуляя с дочерью и нимфами, сломала с дерева ветвь с цветами – и место слома закровоточило: дерево оказалось заколдованной нимфой, и в наказание Сидэ сама обратилась в гранатовое дерево. В переводе «Сидэ» и значит «гранат, дерево с кровавыми плодами». Действительно, крови в Сидэ за всю ее историю было пролито немало. Город последовательно входил в состав Персидского царства, когда персы покоряли греческие малоазийские города, затем, по освобожд-

дении Александром Македонским, в его империю (Арриан пишет: «Когда он выступил из Перги, его в пути встретили полномочные послы из Аспенда... Договорившись относительно денег и лошадей, послы ушли. Александр пошел к Сиде. Сидиты происходят из Кум эолийских. Они рассказывают о себе следующее: когда первые переселенцы из Кум пристали к этой земле и высадились на берег, они вдруг забыли эллинский язык и тут же заговорили на языке варварском, но не на том, на котором говорили соседи-варвары, а на своем собственном, до тех пор неслыханном. С того времени сидиты и говорят на языке, который не похож на язык соседних варваров. Оставив гарнизон в Сиде, Александр пошел на Силлий»). После смерти Александра город входил то в обширные владения Селевкидов (известно, что эскадра сидских кораблей ставилась Антиохом Третьим (223–183 гг. до н. э.) на левом фланге строя его флота), то в государство египетско-македонских властителей Птолемеев, потом – в Пергамское царство Атталидов; что интересно, хотя Селевкиды потеряли Памфилию по Апамейскому миру (188 г. до н. э.), монетам Сиды, Аспендоса и приграничного ликийского Фаселиса специальной монетной конвенцией было дозволено обращение по оставшемуся во владении Антиоха царству. Интересное исключение, ведь, по строгим законам селевкидского монетного обращения, внутри царства было запрещено хождение иностранной монеты. Не иначе царь заигрывал с потерянными городами, надеясь в будущем

снова овладеть ими, или просто создавал иллюзию, что потеря городов временная и ничего в итоге особого не значит: так Византия на протяжении своей истории неустанно считала все свои потерянные территории всего лишь временно отторгнутыми... Так мы оказываемся во II веке до н. э. – в это время в Сиду приходит копия послания римлян царю Птоломею о предводителе восставших против сирийского владычества евреев первосвященнике Симоне Маккавее, что нашло отображение в Библии: «Тогда пришел из Рима Нуминий и сопровождавшие его с письмами к царям и странам, в которых было написано следующее: “Левкий, консул Римский, царю Птоломею – радоваться. Пришли к нам Иудейские послы, друзья наши и союзники, посланные от первосвященника Симона и народа Иудейского, возобновить давнюю дружбу и союз, и принесли золотой щит в тысячу мин. Итак, мы заблагорассудили написать царям и странам, чтобы они не причиняли им зла, и не воевали против них и городов их и страны их, и не помогали воюющим против них. Мы рассудили принять от них щит. Итак, если какие зловерные люди убежали к вам из страны их, выдайте их первосвященнику Симону, чтобы он наказал их по закону их”. То же самое написал он царю Димитрию и Атталу, Ариарафе и Арсаку, и во все области, и Сампсаме и Спартанцам, и в Делос, и в Минд, и в Сикион, и в Карию, и в Самос, и в Памфилию, и в Ликию, и в Галикарнас, и в Родос, и в Фасилиду, и в Кос, и в Сиду, и в Арад, и в Гортину, и в Книду, и в Кипр,

и в Киринию. Список с этих писем написали Симону первосвященнику» (1 Макк. 15: 23). В этот век Сида стала одним из центров знаменитого киликийского пиратства и печально прославилась как перевалочный пункт работорговли и ремонтная база пиратских кораблей. Киликийские пираты были очень сильны и хорошо организованы и остались навеки в мировой истории благодаря тому, что какое-то время в их плену провел молодой Гай Юлий Цезарь. Плутарх так пишет о киликийских пиратах в жизнеописании Помпея: «Могущество пиратов зародилось сперва в Киликии. Вначале они действовали отважно и рискованно, но вполне скрытно. Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города. Уже многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью

кораблей, предназначенных специально для этого промысла. Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, – все это являлось позором для римского владычества. Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до 400 городов. Они разграбили много неприкосновенных до того времени святилищ – кларосское, дидимское, самофракийское, храм Хтонию в Гермионе, храм Асклепия в Эпидавре, храмы Посейдона на Истме, на мысе Тенаре и на Калаврии, храмы Аполлона в Акции и на Левкаде, храмы Геры на Самосе, в Аргосе и на мысе Лакинии. Сами пираты справляли в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими. Чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли имения вблизи от моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина, в окаймленных пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом;

Антонию пришлось выкупить ее за большую сумму денег. Однако самым наглым их злодеянием было вот какое. Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл свое имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили. Могущество пиратов распространилось почти что на все Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли».

Впрочем, к киликийским пиратам мы вернемся в главе, посвященной Коракесиону, а далее почитаем, что пишет Плутарх о пребывании Юлия Цезаря в плену у киликийских пиратов в жизнеописании Цезаря: «[Цезарь] у острова Фармакусы был захвачен в плен пиратами, которые уже тогда имели большой флот и с помощью своих бесчисленных кораблей властвовали над морем. Когда пираты потребовали у него выкуп в 20 талантов, Цезарь рассмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен, и сам предложил дать им 50 талантов. Затем, разослав своих людей в различные города за деньгами, он остался среди этих свирепых кили-

кийцев с одним только другом и двумя слугами; несмотря на это, он вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели. 38 дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тех, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их. Те же охотно выслушивали эти вольные речи, видя в них проявление благодушия и шутливости. Однако, как только прибыли выкупные деньги из Милета и Цезарь, выплатив их, был освобожден, он тотчас снарядил корабли и вышел из милетской гавани против пиратов. Он застал их еще стоящими на якоре у острова и захватил в плен большую часть из них. Захваченные богатства он взял себе в качестве добычи, а людей заключил в тюрьму в Пергаме. Сам он отправился к Юнку, наместнику Азии, находя, что тому как претору надлежит наказать взятых в плен пиратов. Однако Юнк, смотревший с завистью на захваченные деньги (ибо их было немало), заявил, что займется рассмотрением дела пленников, когда у него будет время; тогда Цезарь, распрощавшись с ним, направился в Пергам, приказал вывести пиратов и всех до единого распять, как он часто предсказывал им на острове, когда они считали его слова шуткой». Гай Светоний Транквилл добавляет по тому же поводу («Божественный Юлий» // «Жизнь 12 цезарей»): «Даже

во мщении обнаруживал он свою природную мягкость. Пиратам, у которых он был в плену, он поклялся, что они у него умрут на кресте, но когда он их захватил, то приказал сперва их заколоть и лишь потом распять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.